

Понятие психологической безопасности и его научные дефиниции

Н. Е. Харламенкова

Современная наука обращается к понятию психологической безопасности настолько часто, что сам по себе этот факт требует специального рассмотрения, а, возможно, и более внимательного изучения. По-видимому, объективно происходящие изменения: снижение уровня жизни современного человека, расширение спектра угроз и опасностей, появление чувства незащищенности – могут свидетельствовать об актуальности проблемы безопасности для науки. Сказанное частично подтверждается тем, что информация, транслируемая сегодня СМИ, касается таких вопросов, как нарастание военного напряжения в мире, миграция населения и проблема размывания культурных ценностей и традиций, нравственная деградация, экономические кризисы, безработица, социальное неравенство и др. Акцент на негативных сторонах жизни создает ощущение уязвимости и вызывает чувство тревоги.

Важно, однако, отметить, что в большинстве случаев для обозначения особого состояния государственных и социальных институтов, состояния общества в целом, политики, социологи, журналисты используют вполне устоявшийся термин – *безопасность*; нередко употребляется понятие *национальная безопасность* и его частные виды – военная, экономическая, информационная, экологическая, социальная безопасность. Обобщив разные определения этого понятия, можно сказать, что словом «безопасность», как правило, обозначают состояние *защищенности* жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, а также такие актуально складывающиеся обстоятельства жизни, в которых отсутствует *опасность*.

В лексиконе специалистов, не имеющих прямого отношения к психологии, понятие *психологической безопасности* практически не встречается.

Представляется, что серьезный интерес к проблеме психологической безопасности вызван акцентированием темы безопасности вообще, обсуждением крайне актуальных вопросов, связанных с сохранением жизни отдельного человека и человечества в целом, а также с повышением ее уровня и качества, с достижением социального, экономического, психологического благополучия.

Объективные обстоятельства жизни способствуют и более интенсивному развитию научных представлений о безопасности, стимулируют исследователей к более тщательному изучению истории разработки этой проблемы в науке, к тому, чтобы отдельные эмпирические факты, имеющие отношение к одной и той же предметной области, могли бы быть систематизированы и обозначены одним либо несколькими, но связанными между собой понятиями. В настоящей статье речь пойдет об истории исследований, посвященных проблеме безопасности, современных представлениях о безопасности в психологии, возможности употребления слова «психологическая безопасность» в качестве научного понятия.

Ответы на обозначенные нами вопросы будут важны для достижения *основной цели* исследования — обоснования необходимости и допустимости введения в понятийный аппарат психологической науки понятия «психологическая безопасность».

Проблема безопасности в истории психологии

История изучения феномена психологической безопасности человека подробно изложена в книге «Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции (Харламенкова, Тарабрина, Быховец и др., 2017). Задача настоящей статьи — выделить отдельные аспекты разработки проблемы безопасности как психического явления, обозначив их понятийно.

Прежде всего психологическая безопасность ассоциируется со словами «переживание» или «чувство безопасности». Понятие *чувство безопасности* стало использоваться для обозначения состояния человека, у которого отсутствуют *тревога* и *страх*. Уже в первых психологических исследованиях, посвященных этой проблеме, тревогу (или страх) как индикаторов нарушения безопасности соотносили либо с ответной реакцией человека на конкретную ситуацию, либо с характерологической, т. е. устойчивой чертой личности. Примечательно, что для обозначения чувства безопасности привычными стали понятия «низкая тревожность» или «отсутствие страха» и менее привычным — собственно понятие безопасности.

В книге «Введение в психоанализ: лекции» Фрейд выделял несколько видов страха, прежде всего, реальный и невротический. Реальный страх он считал «вполне рациональным» и рассматривал как «реакцию на восприятие внешней опасности», ожидаемое повреждение, которое связано с «рефлексом бегства», выражением «инстинкта самосохранения» (Фрейд, 1989, с. 251). Невротический страх, считал Фрейд, проявляется в нескольких формах, в виде «общей боязливости», или «страха ожидания», в виде разнообразных фобий (боязни конкретных объектов и ситуаций), в виде истерии страха. Последний, по мнению Фрейда, не связан с угрожающей опасностью, является заместителем аффектов, содержание которых было вытеснено.

Имея внутренние ресурсы, полагал Фрейд, индивид может сам справиться со страхом, редуцировать вызванное им напряжение. Однако чаще всего, ему нужна помощь. Свою врачебную задачу, писал Фрейд, мы видим в том, чтобы «привести невротического больного к пониманию существующих у него бессознательных, вытесненных побуждений и с этой целью раскрывать сопротивления, противящиеся подобному расширению его знания о самом себе» (Фрейд, 2008, с. 241). Из этого следует, что опасность понимается как подвластность человека своим бессознательным желаниям и конфликтам, а безопасность как избавление от этого незнания и, соответственно, от страдания. Нарушение внутренней целостности личности является угрозой сохранения чувства безопасности, а ее восстановление способствует тому, что «душевная жизнь срастается, а то большое единство, названное нами Я, приспособливается ко всем этим импульсам влечения, которые прежде были отщеплены от него...» (там же, с. 241). Существенная роль в этом процессе отводилась внутренней мотивации человека, *страданию*, благодаря которому он способен отказаться от поспешных замещающих удовлетворений и направить свою энергию на выздоровление, на то, чтобы «достичь свободы и завершенности своей собственной личности» (там же, с. 243).

Чувство безопасности выступает в качестве «барометра», который указывает на благоприятное душевное состояние человека. Это состояние обусловлено внутренней гармонией, связанностью сознательных и бессознательных психических процессов. Подтверждая эту мысль, К. Юнг в одном из своих последних интервью, сказал: единственная существующая опасность — сам человек, который находится в отношении несовместимости со своим бессознательным и переносит этот неосознаваемый, архетипический материал на внешние объекты. Такая проекция несет опасность и для другого субъекта,

который может идентифицироваться с проецируемыми мыслями и чувствами и переживать тревогу и страх, транслируемые другим человеком, как если бы они были его собственными. Интеграция противоположных чувств, желаний (принимаемых и отвергаемых), рассматриваемая в качестве цели развития личности в процессе индивидуации, способствует поддержанию ощущения целостности Я и, соответственно, укреплению чувства безопасности. Юнг считает, что есть индивиды, которые мало жизнеспособны и могут быстро погибнуть, если им приходится «сталкиваться со своей целостностью». «Если же этого столкновения не происходит, то они могут влачить свое существование вплоть до самого преклонного возраста, однако лишь в качестве неких фрагментов, или частичных личностей, поддерживаемые средствами социального и психического паразитизма» (там же). Фрагментированность, расщепленность личности, по мнению Юнга, делает человека уязвимым и бессильным в противостоянии различным трудностям, а также зависимым от обстоятельств и других людей. Реализация стремления к Самости через интеграцию противоположностей высвобождает психическую энергию, которая использовалась для удержания в бессознательном вытесненного материала, и направляет ее на поддержание процесса индивидуации.

Чувство безопасности соотносимо с компенсированным чувством неполноценности (А. Адлер). Если компенсация идет по невротическому пути, т. е. по пути подмены истинного Я фальшивым, то чувство безопасности перерастает в тревогу и становится угрозой человеческому существованию. Ослабление чувства неполноценности адекватными способами, путем удовлетворения потребности в совершенстве, рассматривалось Адлером в качестве здоровой стратегии личностного развития при условии выраженного социального интереса к другим людям. Чувство принадлежности обществу и одновременно ощущение своей аутентичности составляют, по Адлеру, основу переживания безопасности. Курт Зеельман, излагая основные положения индивидуальной теории Адлера, писал: «Хотя каждый из нас – в соответствии со своей социальной задачей – с детских лет нуждается в человеческом общении, хочет ощущать свою принадлежность обществу и испытывать уважение со стороны других его членов, мы реагируем не только с позиции социального существа, но и придаем большое значение своему индивидуальному своеобразию и собственной позиции в жизни» (Зеельман, 2004, с. 57).

Очевидно, изменение представлений о психологической безопасности отчетливо проявилось именно в тот момент, когда наряду с понятием «чувство безопасности» стали использовать поня-

тие *потребность в безопасности*. Новые перспективы в понимании психологической безопасности открылись благодаря расширению границ предметной области: в дополнение к изучению безопасности как эмоциональной оценки *степени конгруэнтности* внутреннего мира человека возникла необходимость в изучении причин переживания и сохранения человеком состояния безопасности или его нарушения. В качестве одной из таких причин было названо социальное окружение (дружественное, либо враждебное).

Наиболее явно эти тенденции прослеживаются в работах Анны Фрейд, Карен Хорни, Эриха Фромма, в которых неблагоприятные условия развития, недружелюбное или индифферентно относящееся к ребенку окружение, отсутствие заботы, любви и внимания рассматриваются в качестве ведущих факторов, фрустрирующих потребность ребенка в личностном росте, в самореализации, и делают актуальным удовлетворение потребности в безопасности. Хроническая тревожность, связанная со стремлением к безопасности, является основой для возникновения личностных нарушений и имеет тенденцию не только проявляться в отношениях с родителями, но и становится устойчивым эмоциональным состоянием, закрепленным в поведении комплексом (Фрейд, 1993).

Позитивное окружение ребенка, с одной стороны, выступает в качестве ресурса социальной поддержки, а с другой, становится условием формирования ребенком границ собственного психологического пространства, развития личностной автономии и аутентичности. Эрих Фромм рассматривает безопасность в контексте введенного им понятия «бегство от свободы». Он утверждает, что стремление человека к свободе является его естественной потребностью, но с достижением определенного уровня свободы возникает чувство одиночества и ощущение небезопасности, которое может быть компенсировано с помощью механизмов бегства от свободы.

После рождения ребенок «в течение долгого времени сохраняет функциональное единство с матерью. Пока и поскольку индивид, фигурально выражаясь, не порвал пуповину, связывающую его с внешним миром, он не свободен; но эти узы создают ощущение принадлежности к чему-то, как бы гарантируют ему безопасность существования...» (Фромм, 2009, с. 23). Такое единство Фромм назвал «первичными узами», которые обеспечивают «фундаментальное единство с окружающим миром и ощущение безопасности» (там же, с. 24).

Конфликт между потребностью в свободе и потребностью в безопасности рассматривается Фроммом в качестве экзистенциальной

проблемы, которая может быть решена при достижении человеком *позитивного чувства свободы* – способности сохранять ощущение единства с другими людьми и одновременно поддерживать чувство собственной автономности и индивидуальности.

В гуманистической психологии потребность в безопасности представляется одной из базовых для человека. Она включает в себя такие переживания, как потребность в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях. Безопасность тесно связана с вероятностью угрозы и сопряжена с желанием защиты и участия. Для ребенка, пишет Маслоу, «больше по вкусу, когда окружающий мир предсказуем, размерен, организован. Всякая несправедливость или проявление непоследовательности, непостоянства со стороны родителей вызывают у ребенка тревогу и беспокойство» (Маслоу, 2001, с. 83). Именно поэтому ребенок стремится жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, где действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос, где у него есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности. При соблюдении этих условий, а именно при наличии родительской заботы и предсказуемости окружающего мира, реакция испуга у детей «возникает только в результате столкновения с такими объектами и ситуациями, которые представляются опасными и взрослому человеку» (там же, с. 84).

В отличие от *чувства безопасности* (эмоционально-оценочный компонент психологической безопасности), *потребность в безопасности* (мотивационный компонент) включает в себя не только оценку состояния человека, но и его намерение действовать. Наличие потребности в безопасности может указывать на появление чувств беспокойства, страха, тревоги, безнадежности и, одновременно, на желание их ослабить. Поведенческий компонент конструкта «психологическая безопасность» правильнее всего обозначать как *стремление к безопасности*.

В стремлении к безопасности раскрывается не столько страдательная, сколько действенная сторона природы человека. Поведение может рассматриваться как реакция на жизненные обстоятельства, которой можно управлять, изменяя ее. В большей степени эта позиция характерна для теорий научения, объясняющих формирование того или иного навыка с помощью механизмов подкрепления поведения.

Открытие определенных закономерностей в области научения позволило утверждать, что психология является объективной наукой,

способной объяснить принципы закрепления связи между стимулом и реакцией. Для нас в этих исследованиях интересно то, как объективные условия среды (с учетом закона готовности Торндайка) могут «управлять» реакциями индивида. Дж. Уотсон писал, что человек может быть полон страхов, застенчив, стыдлив; чтобы изменить его поведение, нам нужно не только умение «устанавливать ситуацию по ответной реакции или предсказывать возможную реакцию, исходя из данной ситуации», нужно большее, а именно умение «экспериментально управлять стимулом и создавать ответную реакцию; стимул должен быть прибавлен или вычтен, чтобы наступила соответствующая реакция; если же требуемая, или ожидаемая реакция не входит в репертуар действий данного индивидуума, то она должна быть в нем установлена, если только в нем содержится годный сырой материал» (Основные направления психологии в классических трудах, 1998, с. 266).

Ответная реакция индивида на внешние или внутренние стимулы, угрозы, которой можно манипулировать, изменяя ее, не исчерпывает всего репертуара поведенческих стратегий субъекта. Благодаря его собственной активности, способности действовать в соответствии со своими интересами и намерениями, открывается перспектива изучения индивидуальных особенностей в восприятии угрозы и опасности, возможность анализа всего репертуара поведенческих стратегий в реализации стремления к безопасности.

Гипотеза о наличии тесной и неразрывной связи между намерением личности и ее поведением проверялась в серии экспериментальных исследований, организованных под руководством Курта Левина. Критикуя психологические теории, в которых личность рассматривалась как автономная система, Левин предложил исследовать ее в контексте той среды (психологического пространства), в которую она включена. Психологическая среда и личность были объединены общим понятием — жизненное пространство, включившее в себя тотальность возможных событий, способных повлиять на поведение человека. Осуществляя реальное или ментальное поведение в психологической среде, личность стремится снять напряжение и удовлетворить свои потребности (Левин, 2000, 2001).

С точки зрения психологии безопасности попытку изучения поля возможных событий, необходимых для удовлетворения потребностей, следует трактовать в качестве намерения определить уровень безопасности/небезопасности психологической среды, причем в отличие от многих других исследователей, которые рассматривали среду в качестве источника угроз, Левин показал ее *ре-*

сурность, т. е. ее возможности для удовлетворения потребностей личности.

Современная наука продолжает обращаться к истокам изучения проблемы психологической безопасности. Актуальной остается система понятий, включающая в себя *чувство безопасности*, *потребность в безопасности*, *стремление к безопасности*, и в целом охватывающая разные аспекты наиболее общего конструкта, обозначенного понятием «психологическая безопасность».

Круг авторов, использующих сегодня понятие психологической безопасности, настолько широк, что отразить в этой работе все разнообразие его трактовок не представляется возможным. Допустимо, однако, перечисление тех областей знания, где понятие «психологическая безопасность» и слова, обозначающие отдельные аспекты этого конструкта, употребляются неслучайно.

Современные исследования по проблеме безопасности придерживаются традиции выделять профессиональную безопасность, безопасность в семье, безопасность общества, личности и др. (Баева, 2002б; Обознов, Бессонова, Петрович и др., 2014; Проблемы психологической безопасности, 2012; Тарабрина, Быховец, 2014; Шлыкова, 2012; Эксакусто, Лызь, 2010; Юревич, 2012; LaMotte, Khalifian, Barry, 2017). Кроме привычных аспектов проблемы, стали усиленно изучаться такие вопросы, как безопасность в рамках психотерапевтических отношений, психологические средства безопасности, личная безопасность; разрабатываются программы, обеспечивающие человеку чувство стабильности, целостности, уверенности в себе.

Отдельное внимание уделяется информационно-психологической безопасности (Грачев, 2003; Мельницкая, 2009; Тарабрина, Харламенкова, Падун и др., 2017), безопасности образовательной среды (Баева, Васютенкова, Гаязова и др., 2017; Nekvasil, Cornell, 2015), безопасности труда (Дикая, 2015; Обознов, Бессонова, 2015; Бессонова, Обознов, 2018), социальной и социально-психологической безопасности (Зинченко, 2011; Зотова, 2011; Эксакусто, 2013; Afsharian et al., 2018; Lawrie, Tuckey, Dollard, 2018) и др.

Широкое распространение получило понятие *социально-психологического климата* как *безопасного* контекста профессиональной деятельности (Psychosocial safety climate, PSC), которым обозначают особые условия труда, обеспечивающие сохранение социального и психического здоровья работника (Afsharian et al., 2018; Casey et al., 2017; Idris et al., 2015).

Появление новых феноменов и понятий указывает на перспективность исследования психологической безопасности. Одной из та-

ких перспектив, как было отмечено выше, является изучение психологической безопасности (социально-психологического климата) в условиях деятельности с четко прописанными требованиями и ролями, какой является профессиональная деятельность. Исследование *прогнозируемых* угроз и опасностей, в отличие от негативных воздействий случайного характера, позволяет верифицировать казуальные гипотезы и исследовать психологическую безопасность как самостоятельный феномен. Это, однако, не означает, что отмеченные достоинства планирования исследования психологической безопасности в условиях прогнозируемых и управляемых угроз, можно считать показателями ситуации, идеальной для изучения способов предупреждения воздействия этих угроз на человека. Критику обычно вызывает то факт, что сосредоточение внимания на контроле средовых факторов сводит к минимуму роль самой личности, субъекта деятельности в создании благоприятной среды.

В связи с этим уместно привести данные одного исследования, проведенного Джереми Беусом, Линдсей Данани и Мэллори Маккорд, целью которого стало изучение связи между личностными особенностями и показателями деятельности (ее безопасности) на рабочем месте (Beus, Dhanani, McCord, 2015). Было обнаружено, что доброжелательность (*agreeableness*) и добросовестность (*conscientiousness*) отрицательно коррелируют с небезопасным поведением, а экстраверсия (*extraversion*) и нейротизм (*neuroticism*) связаны с таким поведением положительно. Сопряженность личностной черты «открытость опыту» (*openness to experience*) и показателей безопасного поведения не была доказана. Авторы сделали вывод о том, что восприятие социально-психологического климата как безопасной среды профессиональной деятельности соотносится с поведением, не несущим угрозы, и такими личностными особенностями человека, как доброжелательность и добросовестность, что, безусловно, доказывает факт влияния личностных и субъектных качеств на восприятие ситуации в качестве безопасной или угрожающей, а также факт влияния этих особенностей на поведение.

Проведенный анализ истории исследований проблемы безопасности в психологии показал, что, рассматривая ее как психологическую проблему, важно находить достаточные аргументы для доказательства того, что угроза жизни человека — не всегда только внешнее событие; сам субъект, обладая определенными личностными чертами, имея те или иные установки, мотивы, предпочтения, может воспринимать объективно неопасную ситуацию как угрожающую. Анализ также показал, что социальная среда является частью пси-

хологического пространства человека, которое следует соотносить с его представлениями о собственной безопасности; социальная среда может рассматриваться либо как ресурс поддержки в трудных жизненных ситуациях, либо как значимая часть бытия, которая необходима для построения границ в отношениях с другими людьми и формирования собственной автономии. Именно поэтому, психологическая безопасность — это не только избегание опасности и удовлетворение потребности в безопасности, переживание состояния комфорта и благополучия, но и активное обращение личности к разным ресурсам — социальной поддержке, собственному опыту, опыту других людей для совладания с той или иной угрозой.

В соответствии с этой точкой зрения под *психологической безопасностью* понимается «стремление личности сохранять свою самобытность и суверенность для достижения чувства стабильности и целостности» посредством различных психологических механизмов (Харламенкова, 2018а, с. 172–173). Методологические и теоретические основания этого подхода к пониманию психологической безопасности, а также обоснование введения понятия «психологическая безопасность» в систему категорий психологической науки будут рассмотрены далее.

Методологические предпосылки исследования психологической безопасности

Научное понятие, с нашей точки зрения, должно «связывать» разные уровни знания — методологический, теоретический, эмпирический. Обоснование правомерности использования понятия на разных уровнях обобщения знания доказывает его значимость для науки и принципиальную незаменимость другими понятиями.

Как *философская категория* безопасность (человека, общества) раскрывается в контексте методологического анализа проблемы *жизни и смерти* и понимания человека как активного субъекта, конструирующего, осмысливающего *жизнь* и пытающегося понять, что такое *смерть* (Трубников, 1996). Угрозы, опасности практически всегда вызывают у человека страх, чувство утраченной безопасности. Преодоление этого страха в его философском понимании состоит не столько в избегании опасностей и угроз, не столько в поиске безмятежной жизни, сколько в предельном *наполнении жизни смыслом*.

Рассматривая проблему безопасности человека через призму его активной позиции как субъекта жизни по отношению к своему осмысленному существованию, мы должны различать узкое (часто жи-

тейское) и более широкое понимание проблемы безопасности человека. В узком значении безопасность трактуется как защищенность человека, общества от угроз, как *выживание* индивида. При более широком понимании проблемы человек рассматривается как субъект, наделенный ответственностью за свою жизнь, рефлексирующий, конструирующий и понимающий ее в соответствии с найденными им смыслами своего существования. Осмысленность жизни позволяет субъекту понимать многие явления, которые раньше представлялись ему угрозами и опасностями, скорее как закономерные трудности, а также дифференцировать их от других угроз – травматических стрессоров, на самом деле представляющих опасность для жизни (Харламенкова, 2019).

Именно субъект, согласно С.Л. Рубинштейну, как сознательный человек не только проживает и переживает свою жизнь, но и «определяет свое отношение к миру», берет «ответственность... за то, что он делает... и за то, чем он будет становиться, за себя самого» (Рубинштейн, 1997, с. 83). По мнению А.В. Брушлинского, проблема субъекта является общей для многих гуманитарных, отчасти биологических и технических наук, однако именно в *психологии* субъект рассматривается не абстрактно, а как «живой субъект» формирующий и развивающий «в ходе деятельности, общения и т.д. психическое как непрерывный (недизъюнктивный) познавательно-аффективный процесс...» (Брушлинский, 2003, с. 64). Обращаясь к изучению «*живого субъекта*» исследователи закономерным образом открывают для себя необходимость анализа *психологии* человека как субъекта жизни, осознают востребованность обсуждения проблемы психологической безопасности с новых методологических позиций.

С.Л. Рубинштейн писал, что в жизни есть трагическое, комическое, драматическое, причем следует разделять, скажем, *трагическое отношение* к жизни и «*трагедию*» (курсив мой. – Н.Х.) как закономерно выступающую сторону самой жизни» (Рубинштейн, 1997, с. 80). Чувства трагического, юмористического, иронического не абсолютны; они проявляются в конкретной ситуации живого субъекта в своей особой конфигурации и акцентируются в зависимости от *отношения* субъекта к происходящему. Будет ли субъект ощущать жизнь как трагедию, т.е. как небезопасную для него, во многом зависит от его отношения к конкретным жизненным обстоятельствам, к тому или иному делу, идее, поступку. «Жизнь могуча, бесконечно разнообразна и чревата всем добрым и злым. И у человека в конечном счете, одно дело в жизни: самому вносить в нее, сколько только может он, красоты и добра» (там же, с. 84).

Итак, философско-методологическое обоснование феномена психологической безопасности, основанное на принципах психологии субъекта, позволяет представить ее как проблему Человека, осмысленно конструирующего свою жизнь (Знаков, 2017). В соответствии с основными положениями этого подхода безопасность рассматривается как состояние, детерминированное жизненными установками и смыслами субъекта, его опытом совладания с повседневными стрессорами и стрессорами высокой интенсивности, а также отношением к своему окружению как ресурсу социальной поддержки и одному из источников развития личностной суверенности. В отличие от военной, социальной, экономической и др. видов безопасности *психологическая безопасность* определяется системой внутренних условий субъекта, позволяющей предвосхищать воздействие внешних угроз, а в иных случаях – выдерживать это влияние или совладать с последствиями нарушения состояния психологического благополучия. Наша точка зрения в полной мере согласуется с определением психологической безопасности, которое было дано А. Л. Журавлевым и Н. В. Тарабриной в коллективной монографии «Проблемы психологической безопасности»: это «интегративная характеристика субъекта, отражающая степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемая по интенсивности переживания психологического благополучия/неблагополучия» (Журавлев, Тарабрина, 2012, с. 9).

Историко-психологический и методологический анализ проблемы психологической безопасности, а также теоретико-эмпирические исследования, проведенные нами в качестве руководителя группы сотрудников, соискателей и аспирантов лаборатории психологии посттравматического стресса (с 2016 г. в лаборатории развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях) Института психологии РАН (Дымова, Тарабрина, Харламенкова, 2015; Харламенкова, 2012, 2015, 2017, 2018а, б, в; Харламенкова, Никитина, 2017; и др.) позволили разработать теоретическую модель психологической безопасности личности и обосновать правомерность использования этого понятия.

Психологическая безопасность личности и ее теоретическое обоснование

Формулировка теоретических гипотез исследования и их эмпирическая верификация, которые были представлены в ряде наших работ (напр.: Харламенкова, 2018а), привели к выделению трех со-

ставляющих психологической безопасности, таких как *позитивное окружение, опытность и информированность, внутренний комфорт*.

Позитивное окружение как составляющую психологической безопасности нужно было обосновать в соответствии с рассматриваемым нами предметом исследования. Это обоснование состояло в том, что благодаря наличию позитивного окружения личность может осуществлять экспансию, расширение своего Эго путем *присвоения (приватизации, по Нартовой-Бочавер, 2005)* части реальности. При этом присвоение позволяет, с одной стороны, надеяться на социальную поддержку, а с другой — устанавливать и сохранять границы своего психологического пространства, дифференцируя себя от других людей. Эти две «стратегии» показывают разную функциональность позитивного окружения: 1) как возможной опоры, поддержки в трудных жизненных ситуациях; 2) как условия для формирования своей суверенности. В одном из наших исследований было выявлено, что при высоком уровне посттравматического стресса уровень суверенности психологического пространства личности оказывается низким, а ожидание социальной поддержки от ближайшего окружения — высоким (Харламенкова, 2015). Эти механизмы позволяют личности искать опору во внешнем мире, одновременно сохраняя свою аутентичность и удовлетворяя *потребность в безопасности*, о которой мы говорили выше.

Опытность, информированность как составляющая психологической безопасности обнаруживает себя в стратегии *освоения* реальности, по-видимому, и той, которая была *присвоена* (путем обращения к жизненному опыту, укрепления уверенности), и той, которая не входит в психологическое пространство личности (в данном случае — путем поиска информации, установления контроля за ситуацией и др.). Направленность освоения реальности, так же как и ее присвоения, может быть разной. Это обращение к своему опыту, опыту других людей, поиск информации и т.д. Освоение реальности может проявляться, в частности, и в избегании угроз и опасностей, т.е. в виде стратегии поиска временного психологического убежища. В целом же психологическая безопасность, реализуемая посредством обращения к опыту и с помощью поиска информации, позволяет человеку принять решение о степени опасности ситуации и необходимости прикладывать усилия для совладания с ней. В какой-то мере опытность, информированность можно рассматривать как конструкт, посредством которого человек проявляет себя в качестве активного субъекта своей жизни. «Человек не только находится в определенном отношении к миру и определяется им, но и отно-

сится к миру и сам определяет это свое отношение... Важна не только его обусловленность объективными условиями, но и различие позиции субъекта, понятой... как объективное ее изменение, как выражение изменения ситуации» (Рубинштейн, 1976, с. 354). Активная позиция человека, осуществляющего поиск информации и использующего свой опыт, позволяет соотнести эту составляющую психологической безопасности с понятием *стремление к безопасности*.

Внутренний комфорт как составляющая психологической безопасности проявляет себя в *переживании* безопасности. Различия в переживании безопасности также вполне очевидны. Это и переживание спокойствия, стабильности; переживание защиты и защищенности; переживание свободы и наличие чувства собственного достоинства. Внутренний комфорт возникает при удовлетворении потребности в безопасности, при достижении состояния спокойствия, стабильности, равновесия, которые нечасто сохраняются на продолжительное время. Эта составляющая психологической безопасности соотносится с выделенным нами выше *чувством безопасности*.

Итак, психологическая безопасность — это не только отсутствие опасности, но и наличие ресурсов, которые могут использоваться для противостояния реальным угрозам, а также способность к личностному росту, к поступательному развитию, ведь не менее реальной опасностью для человека является стагнация его развития как личности, которая во многом символизирует его уход от активной жизни.

Этот вывод полностью совпадает со словами известного отечественного психолога Л. И. Анцыферовой, которая писала, что «перед лицом жизненных ситуаций, проблем, испытаний человек должен сделать выбор: противостоять ли угрожающим обстоятельствам, внести в жизнь определенность — или любыми путями уклоняться от тяжелых переживаний, уйти от трудных ситуаций, нередко жертвуя своими духовными ценностями. В последнем случае жизнь человека как личности опускается на более низкий уровень, который тяготеет к полюсу небытия, ибо только небытие полностью избавляет человека от опасностей и страданий» (Анцыферова, 2004, с. 17–18).

Согласно мнению В. Ф. Асмуса, понятие — это «мысль о признаках», существенных характеристиках изучаемого предмета, в котором обобщено знание, полученное на данном этапе научного познания (Асмус, 1969, с. 282; см.: Харламенкова, 2018б).

Довольно часто введение нового понятия связано с необходимостью перехода от отдельных наблюдений, эмпирических фактов, частных случаев к осмыслению всего объема знания на более высоком уровне научного обобщения. Новый термин вводится в состав

понятийного аппарата науки и в том случае, когда ранее используемый в одних научных сферах он переносится в другую область понятий и требует своего обоснования средствами специального научного языка.

Понятие *безопасность* – распространенный термин, которым обозначают защищенность человека, природы и общества от воздействия самых разных опасностей – физических, химических, биологических и др. Содержание понятия *психологическая безопасность* шире, чем защищенность человека от угроз. Психологическая безопасность может трактоваться по-разному в зависимости от научной позиции исследователя и его методологических установок. Определение психологической безопасности личности как *защищенности* психики человека от внешних и внутренних угроз остается тем не менее одной из наиболее частых дефиниций понятия. Другая точка зрения основана на понимании психологической безопасности как способности личности использовать сугубо *психологические средства* избегания опасности. Согласно третьей точке зрения, этим понятием обозначают активную позицию субъекта, направленную, как мы говорили выше, на сохранение и развитие своей самобытности и суверенности с целью достижения чувства стабильности и целостности, на совершенствование способности предвосхищать и упреждать ситуации неопределенности, переосмысливать свой опыт и интегрировать новые знания и, конечно, защищать свою суверенность от возможных опасностей и угроз. Присоединяясь к третьей точке зрения, мы эмпирическим путем доказываем (Харламенкова, 2012, 2015, 2017, 2018а, б, в), что определение психологической безопасности не может быть сведено к ее привычной трактовке; ее следует рассматривать как системный конструкт, включающий разные составляющие – позитивное окружение (потребность в безопасности), опытность и информированность (стремление к безопасности) и внутренний комфорт (чувство безопасности), раскрывая которые можно понять истинную природу человека как самосозидающего и самоконструирующего субъекта.

Понятие психологической безопасности в системе других категорий психологии

По отношению к психологической безопасности семантически близкими понятиями, с нашей точки зрения, являются понятия психологического благополучия, жизнестойкости и жизнеспособности. *Психологическое благополучие* в узком (эмоциональное благополу-

чие) и широком (позитивные отношения с другими, принятие себя, автономия, компетентность и пр.) смысле соотносится с психологической безопасностью по принципу целое — часть. Психологическая безопасность обозначает только ту часть широкого диапазона проявлений психологического благополучия, которая соотносима с активными действиями субъекта по организации своего психологического благополучия, т. е. с изменением отношения к ситуации, с переоценкой событий, своего состояния и др.

Относительно жизнестойкости и жизнеспособности ведутся дискуссии (Махнач, 2017). Мы придерживаемся позиции А. В. Махнача, который сравнивает жизнестойкость (*hardiness*) с жизненной силой и способностью выдерживать трудности судьбы, а жизнеспособность (*resilience*) — с сопротивлением трудностям, а также со способностью существовать и развиваться (там же).

При сопоставлении понятий психологическая безопасность занимает свое особое место. Так, *жизнестойкость* характеризует человека как выносливого, эргичного, ресурсного, актуально противостоящего обстоятельствам. Психологическая безопасность предполагает не столько противостояние обстоятельствам, сколько совладание с различными угрозами и их последствиями с целью ослабления самой серьезной угрозы — угрозы смерти.

Психологическая безопасность и жизнестойкость чаще проявляются актуально. Временными координатами *жизнеспособности* являются и настоящее, и будущее. Можно также добавить, что стратегии жизнестойкости и жизнеспособности обеспечивают психологическую безопасность человека (Харламенкова, 2019).

Методологическое и теоретическое обоснование конструкта «психологическая безопасность» не мыслится без системы понятий *жизнь* и *смерть*, в рамках которой стремление к жизни невозможно понять без осмысления проблемы смерти, и наоборот. «Факт смерти превращает жизнь человека не только в нечто конечное, но и окончательное. В силу смерти жизнь есть нечто, в чем с известного момента ничего нельзя изменить... Жизнь человека в силу факта смерти превращается в нечто, чему подводится итог. В смерти этот итог фиксируется. Отсюда и серьезное, ответственное отношение к жизни в силу наличия смерти» (Рубинштейн, 1997, с. 81).

В качестве синонима понятия психологической безопасности, рассматриваемого в соотношении с категориями жизни и смерти, используют слово *самосохранение*. Смысловая близость этих понятий объясняется их тесной связью с потребностью человека в поддержании жизни, однако самосохранение рассматривается в качестве

врожденной формы поведения живых существ и соотносится с инстинктивным поведением (хотя это в определенной мере упрощенное понимание потребности в самосохранении), а психологическая безопасность — не только с реактивным поведением, но и со способностью предвосхищать, прогнозировать и изменять жизненные обстоятельства. Потребность в самосохранении возникает в ситуации физической угрозы жизни, а потребность в безопасности — в разных условиях жизнедеятельности, ограничивающих не только физическую активность человека, но и его возможности развития и самосовершенствования.

И наконец, понятие психологической безопасности сопоставимо с понятиями *тревоги* и *страха*, обозначающими такое неравновесное психическое состояние человека, при котором возникает потребность в защенности и стабильности. Говоря о чувстве безопасности, мы могли бы сопоставить его с отсутствием страха, но не могли бы при этом утверждать, что отсутствие страха является единственным чувством, которое свойственно человеку в состоянии безопасности. Психологическая безопасность связана с переживанием разных чувств, выражение которых зависит от индивидуальных особенностей человека и его жизненных обстоятельств.

Перспективы исследования проблемы психологической безопасности

Введение в систему научных категорий понятия, которое привычно использовалось в обыденном языке, требует специального обоснования и сугубо научного объяснения. Наиболее остро этот вопрос возникает в случае обращения к понятию «безопасность» как универсальной категории, которая успешно введена в лексикон разных наук — как естественных, так и гуманитарных. Проблема состоит в том, что понятие «безопасность» не специфицируется относительно конкретной научной дисциплины, и не обосновывается с методологической и философской точки зрения, что нарушает принцип дифференциации научных и житейских понятий (Харламенкова, 2019).

Предлагая рассматривать категорию «безопасность» как одну из характеристик человека как субъекта жизни, мы показали, что безопасность субъекта обеспечивается им путем осмысления собственной жизни и отношения к смерти, а также предприняли попытку объяснить необходимость исследования феномена безопасности в контексте более общей проблемы — проблемы человека. Дифферен-

циация философского и конкретно-научного содержания изучаемого вопроса позволяет подтвердить возможность использования понятия «психологическая безопасность» и наполнить его содержательно.

Становление системы понятий современной науки осуществляется в соответствии с логикой ее развития и отражает направление, границы и формы мыслительной деятельности ученого. Перспективы дальнейшего исследования психологической безопасности и осмысления этой категории в будущем, закономерным образом определяются потребностью в изучении внутренних возможностей человека, его ресурсов. Неисследованной остается проблема переживания человеком чувства безопасности как стремления к самосовершенствованию и саморазвитию, как чувства свободы, решение которой позволит раскрыть новые грани феномена и понятия психологической безопасности как важнейшей составляющей стремления человека к жизни.

Литература

- Анциферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Асмус В. Ф.* Понятие // Избранные философские труды. Т. I. М.: Изд-во Московского университета, 1969. С. 281–300.
- Баева И. А.* Психологическая безопасность образовательной среды: Теоретические основы и технологии создания: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2002.
- Баева И. А., Васютенкова И. В., Гаязова Л. А., Ковальчук О. В., Лактионова Е. Б., Мартынова А. В., Тарасов С. В.* Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие: Учеб. пособие / Под науч. ред. И. А. Баевой, С. В. Тарасова. СПб.: ЛОИРО, 2017.
- Бессонова Ю. В., Обознов А. А.* Профессиональный менталитет и безопасность профессиональной деятельности // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. А. Н. Занковский, А. Л. Журавлев. Москва, 2018. С. 233–250.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
- Грачев Г. В.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М.: Пер Сэ, 2003.
- Дикая Л. Г.* Профессиональное выгорание и безопасность труда в социально-ориентированных профессиях // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 43–52.

- Дымова Е. Н., Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е.* Психологическая безопасность и травматический опыт как модуляторы поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 15–27.
- Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Зеельман К.* Индивидуальная психология Адлера // Энциклопедия глубинной психологии. Т. IV. М.: Когито-Центр—МГМ, 2004. С. 42–113.
- Зинченко Ю. П.* Безопасность в современном мире: социально-психологические аспекты: Материалы II Международного симпозиума (14 апреля 2011 г.). Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 2011. С. 19–25.
- Знаков В. В.* Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии. 2017. № 2. С. 3–17.
- Зотова О. Ю.* Безопасность личности как социально-психологический феномен. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2011.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.
- Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16.
- Мельницкая Т. Б.* Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепция, модель, технологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2009.
- Нартова-Бочавер С. К.* Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
- Обознов А. А., Бессонова Ю. В.* Культура безопасности на потенциально опасных предприятиях // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 655–661.
- Обознов А. А., Бессонова Ю. В., Петрович Д. Л., Енина Е. С., Сериков В. В.* Культура безопасности на железнодорожном транспорте // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014. № 4 (71). С. 45–52.

- Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. Э. Торндайк. Принципы обучения, основанные на психологии. Джон Б. Уотсон. Психология как наука о поведении. М.: АСТ, 1998.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.* Террористическая угроза. Теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Трубников Н. Н.* О смысле жизни и смерти. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989.
- Фрейд А.* Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- Фрейд З.* Сочинения по технике лечения. М.: ООО «Фирма СТД», 2008.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009.
- Харламенкова Н. Е.* Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 141–160.
- Харламенкова Н. Е.* Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (34). С. 90–97.
- Харламенкова Н. Е.* Антропогенные и природные угрозы безопасности человека: психологический аспект // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. 4 (89). С. 128–140.
- Харламенкова Н. Е.* Явное и неявное в исследовании проблемы психологической безопасности личности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018а. С. 161–177.

- Харламенкова Н. Е.* Психологический смысл понятия «компенсация» в истории науки и в современных исследованиях // Разработка понятий современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018б. С. 592–616.
- Харламенкова Н. Е.* Представление о психологической безопасности у пациентов с разным уровнем посттравматического стресса, оперированных по поводу менингиомы // Психическое здоровье и образование: сборник научных статей по материалам II Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». М.: ИД «Городец», 2018в. С. 213–216.
- Харламенкова Н. Е.* Психологическая безопасность: обоснование понятия с разных научных позиций // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1.
- Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А.* Экономические лишения и психологические последствия их влияния на человека // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1476–1484.
- Харламенкова Н. Е., Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А., Казымова Н. Н., Дымова Е. Н., Шаталова Н. Е.* Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Шлыкова Н. Л.* Психологическая безопасность личности государственного гражданского служащего // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2012. № 2. С. 16–21.
- Эриксон Э.* Детство и общество. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996.
- Эксакусто Т. В.* Общая характеристика затруднений в общении у людей с разной социально-психологической безопасностью // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 10 (147). С. 235–242.
- Эксакусто Т. В., Лызь Н. А.* Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 86–91.
- Юнг К.* Собр. соч. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994.
- Юревич А. В.* Нравственная деградация как угроза национальной безопасности России // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 25–46.

- Afsharian A., Zadow A., Dollard M. F., Dormann C., Ziaian T.* Should psychosocial safety climate theory be extended to include climate strength? // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2018. V. 23 (4). P. 496–507.
- Beus J. M., Dhanani L. Y., McCord M. A.* A meta-analysis of personality and workplace safety: Addressing unanswered questions // *Journal of Applied Psychology*. 2015. V. 100 (2). P. 481–498.
- Casey T., Griffin M. A., Flatau H. H., Neal A.* Safety climate and culture: Integrating psychological and systems perspectives // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2017. V. 22 (3). P. 341–353.
- Idris M. A., Dollard M. F., Tuckey M. R.* Psychosocial safety climate as a management tool for employee engagement and performance: A multilevel analysis // *International Journal of Stress Management*. 2015. 22 (2). P. 183–206.
- LaMotte A. D., Khalifian C. E., Barry R. A.* Newlyweds' perceptions of partner conflict behaviors and change in intimate safety over time // *Journal of Family Psychology*. 2017. V. 31 (1). P. 123–128.
- Lawrie E. J., Tuckey M. R., Dollard M. F.* Job design for mindful work: The boosting effect of psychosocial climate // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2018. V. 23 (4). P. 483–495.
- Nekvasil E. K., Cornell D. G.* Student threat assessment associated with safety in middle schools // *Journal of Threat Assessment and Management*. 2015. V. 2 (2). P. 98–113.